Бытие-художником. Воспоминания о Леониде Войцехове (часть 2)

Вступительное слово от двух редакторов

Мы продолжаем публиковать мемориальные материалы, посвященные Леониду Войцехову. Воленс-ноленс эта подборка не столь обширна. Ведущие украинские искусствоведы на первых порах, конечно, вздохнули печально и согласились, что «да, явление…» и «да, заслуживает…», и вроде собирались нечто написать, но… Нет, мы все понимаем, конечно. Ничего не доводил до конца, бросался из стороны в сторону, какие-то межгалактические истории, задумки, проекты. И тут же почему-то живопись огромная, все эти «картинки-мартинки», которые он вроде так презирал. Вдобавок, почти все сделанное разошлось, кануло в трещины между Одессой, Киевом, Москвой, Нью-Джерси и черт знает чем еще, куда-

то продано, кому-то подарено… Ни каталогов тебе серьезных, ни прессы. И человек неадекватный, воистину из тех, о которых говорят «сам себе враг». Так что «о Войцехове – или смешное, или ничего!» – такой, похоже, пошел приказ по местной линии искусств. «Да, – облегченно кивнули искусствоведы, – Леонид Войцехов – художник жизни!». Действительно, как это упрощает ситуацию: «художник жизни» не требует каких-либо интеллектуальных или, упаси господь, материальных инвестиций. Их небольшие ресурсы можно припасти для чего-то другого, скажем, все того же «украинского трансавангарда», тем более мы о нем, страшное дело, уже как-то начали подзабывать.

К «украинскому трансвангарду» Войцехова отнести невозможно, о т.н. «одесском концептуализме» большинство украинских искусствоведов знает только то, что он «одесский», а придумывать еще что-то от себя, рефлексировать, бросаться в этот омут, где живопись, стихи, эротические рисунки, проекты спасения нации, циничные анекдоты – все вперемешку, выбирать что-то, заострять внимание – хлопотно, да и не хлебно. Так что пауза затягивается. Посему в эту подборку вошли тексты людей, для которых общение с Войцеховым было не профессиональным распорядком, но частью жизни. Пусть и в несоизмеримо разных степенях. Заканчивается же она несколькими стихотворениями Леонида конца 2009 года. Особо знаковым из них представляется последнее – посвященное уходу Саши Гнилицкого. Это на его поминках Леня бросил свою знаменитую фразу: «Кто следующий? – спросил заведующий».

Юрий Лейдерман

В процессе сбора этих мемориальных материалов мы, редакторы, прояснили для себя многое относительно состояния украинской художественной жизни. Точнее, что-то для нас прояснилось, а что-то из известного ранее – подтвердилось.

Попробую сформулировать, о чем именно речь. Леонид Войцехов является одним из инициаторов концептуального искусства в Одессе и в Украине. Аналогичные явления в других странах ценятся там на вес золота и являются как основой для локальных ситуаций современного искусства, так и условием видимости этих ситуаций для внешнего мира. Где в 60-80-х было своё концептуалистское подполье – там «современное искусство» в его интернациональном понимании не является привнесенным извне феноменом, там оно оказывается укорененным, вросшим в почву и потому более интересным. В Украине – архивация местной версии концептуального искусства поверхностна, а уровень рефлексии близок к нулю. «Одесский концептуализм» как бы и есть, но формы его признания похожи на пустой ритуал, исполняемый устало и халтурно.

Уход Леонида Войцехова вызвал воспоминания преимущественно персонально-тусовочного плана. Помнить «Лёнчика» оказалось способом забыть художника Войцехова. Особо пронзительным оказалось молчание искусствоведческого цеха.

Подобным образом сложилось и с другими инициаторами экспериментальных художественных практик в Украине, которые сплошь оказались «не для денег родившимися» художниками. Ведь в последние годы ушли не только одесситы Войцехов, Игорь Чацкин, Владимир Федоров, Олег Петренко-Перец, но и Юрий Соколов, ставший таким же инициатором для львовской сцены. Думается, что дело здесь в неприглаженности, «некачественности», в «некоммерческом» виде их искусства. В том, что эти художники не совпали с моделью, которую здесь можно назвать нормативной и которая состоит в компромиссном соединении концептуального начала с традиционной рукодельной художественностью. Работы перечисленных авторов почти не циркулировали на местном полусалонном рынке и потому мало кто остался заинтересован в их, авторов, видимости. Объяснение звучит неприлично просто, но кажется мне самым точным.

Остается повторить – настолько лишенные исторического мышления локальные художественные ситуации, как украинская, обычно оказываются малоинтересны остальному миру. Это естественным образом вытекает из того, что они явно не слишком интересны сами себе. Украинские музеи, которые отворачиваются от столь «нетоварно» выглядящего искусства, – это несостоятельные музеи. Местное искусствознание, которому об этом искусстве нечего сказать, – искусствознание суррогатное.

Уход Леонида Войцехова проверяет украинскую сцену на способность выстраивать линии преемственности и мыслить себя в истории. Результаты пока неутешительны. Нам остается надеяться, что хотя бы личные воспоминания близких пронесут огонь в будущее и там передадут новым людям.

На могиле Герберта Маркузе написано одно слово: «Продолжайте!»

Никита Кадан

Лариса Осипенко (спутница жизни, журналистка, Одесса)

Войцехов. Художник и его литературный демон

«Мне, как брацлавскому хасиду из детей Нахмана, не надо бегать в синагоги. Он призывал нас молиться в полях или в дороге. И тянуться мы должны, как травы и цветы, к свету».

Леонид Войцехов
«Проекты»

«Человек и Даймон утоляют свой голод друг в друге», – писал Уильям Батлер Йейтс, отдавая главную роль в пьесе жизни конфликту между «эго» и «анти-эго». В этом конфликте происходит преодоление всего «человеческого» – подчиненного законам и условностям, – ради свободы творить судьбу.

Художник, преодолевая «эго», избавляется от «индивидуального» и проигрывает в битве с «анти-эго» (даймоном, гением). Но это то поражение, к которому ему и нужно стремиться – ведь только так рождается искусство. И только тогда художественное произведение становится олицетворением «анти-эго» художника, которое не подчинено пространственным границам и не втиснуто во временные рамки, а свободно жонглирует воспоминаниями о реально пережитом и образами, порожденными фантазией. Такова, например, автобиография Джорджо де Кирико «Гебдомерос. Художник и его литературный демон». Аллюзией на ее название я неслучайно озаглавила текст, посвященный Леониду Войцехову.

Описания реальных событий в автобиографических «Проектах» Войцехова сменяют воспоминания о том, чего не было, или было, но совсем не так, как об этом рассказано, или только лишь могло бы быть – в воображении художника, или Того, чьей аватарой он спустился в этот мир.

Притом, что характерно для Войцехова, все самые фантасмагорические события описаны им гиперреалистично – так, что читатель уже по-детски безусловно верит и в «концептуальные перформансы Лёни Толстого», и в антикварный эпос, и в Мистерию Махно и даже в то, что Ниагарский водопад запросто мог бы стать Ниагарским фонтаном, стоило лишь получить на то согласие правительств США и Канады. Но тут взрослый внутри нас говорит: стоп. И наша рациональная рефлексия вновь приковывает нас к «Родному пепелищу».

Так происходит тоже неслучайно. В отличие от метафизического «Гебдомероса», уводящего в облака мечтательных странствий, «Проекты», хотя и демонстрируют красоту полета мысли художника, остаются на земле. И – подобно многим другим литературным и речевым произведениям Войцехова – подспудно подталкивают нас самих, здесь, сейчас, на нашей земле, к обретению нашей не только внутренней, но и гражданской свободы.

Мы могли бы запросто стать теми, кем хотели бы быть – в этом провокация стихотворения Войцехова «Возьми нож – пойди взорви мост». Но в нас так много этого «человеческого»,

вымуштрованного законами и условностями, что, слыша призыв к освобождению, мы стараемся поскорее спрятаться за абсурдистские рифмы и вызванный ими смех, только бы не допустить превращения поэтического предчувствия гражданской войны в нашу собственную реальность. Хотя это превращение все равно происходит. И – снова помимо нашей воли. А как же иначе, если всем нам было только смешно?

К слову, вот вам еще одна смешная цитата из «Проектов»: «А мы и не заметили, как попали в смолу истории, и будем потом – что мушки в янтаре».

Но только все это тоже было предусмотрено автором: смех, смеховая культура, которая по отношению к классической, как утверждал Войцехов, является своего рода вирусной программой. Эта вирусная программа, внедряющаяся в код других программ и бесконечно распространяющая свои копии по всем каналам связи, рано или поздно собьет спесь с системы – со всех тех, надувающих щеки, кто за одним видимым никогда не увидит другого видимого.

А во взгляде «брацлавского хасида» Войцехова, видящего вас насквозь, вместо великой скорби еврейского народа всегда было великое веселье. За которым, впрочем, всегда таилась великая печаль. Печаль сочувствия. И соучастия. Обладая деликатностью и тактом, несмотря на свою «фирменную» браваду посылания на хуй, Войцехов проявлял терпимость – при самой нестерпимой провокации. Да и все его провокации больше были похожи на вакцинации. Но только здесь по-прежнему не желают быть здоровыми.

Так а что же смех?

А смех был щитом Войцехова-поэта – «щит времён Фирдоуси» – которым он защищал неподготовленного слушателя от демонического хохота Того, чьи трансляции улавливал, отключая слуховой аппарат. В повседневной жизни это было невыносимо: «Ты меня слышишь вообще?» – «Нет, извини, задумался о своём». Это своё – его или его гения? – потом выступало со щитом оберегающего смеха. К сожалению, многие слушатели вынесли в дальнейшем на этом щите самого Войцехова – на суд художественного дискурса и исторического контекста.

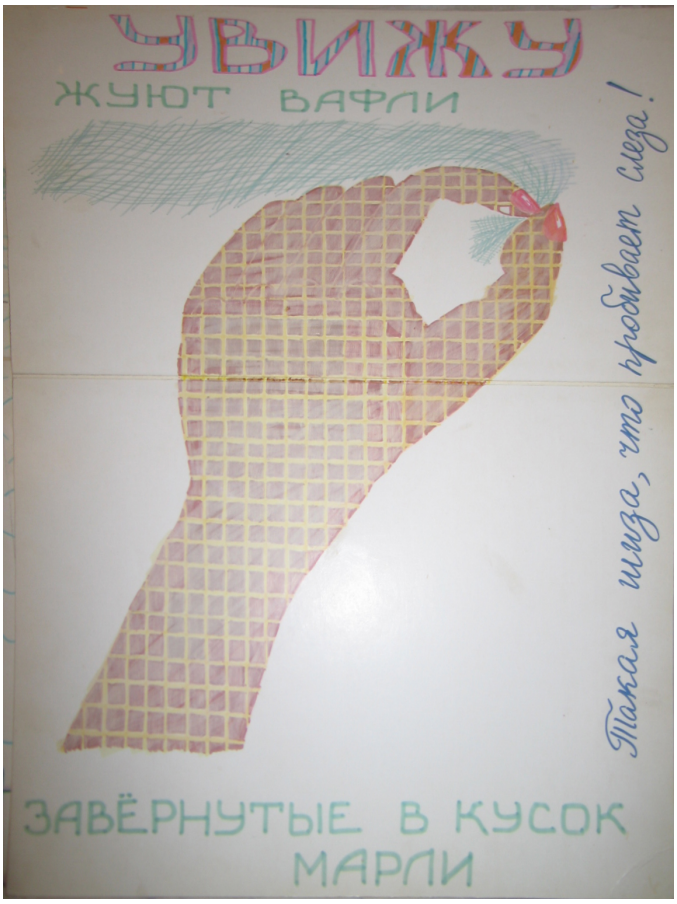
«И каковы же итоги?» – слышу скрипучую войцеховскую иронию за спиной, когда пытаюсь во внутреннем диалоге сопротивляться той внешней карнавализации образа, которая обрушилась на Леонида Войцехова.

Итоги пока что неутешительны.

«Смешнючий Лёньчик», как назвал Юрий Лейдерман все эти множащиеся были и небылицы о Войцехове-персонаже, появился благодаря стараниям самого же Войцехова-автора. Да, он сам сделал всё для того, чтобы прямая речь и слова автора слиплись в моносюжет, а «эго» и «анти-эго» творца не выдержали решающей битвы и слились друг с другом в литературно-бытовом экстазе.

Но я верю, что рано или поздно найдутся исследователи, которые сумеют взрастить из этого эмбриона тот образ Войцехова – художника жизни, который по-прежнему взывает к нам из нашего собственного коллективного бессознательного: «Хлопци! Пора сэдла́ты!»*

**Предсказание транслитерации на русский с государственного языка Украины – 2008 год, «Цирковые сводки Леонида Войцехова»*



Юлия Жаркова (художница-реставраторка масляной живописи, сестра Сергея Ануфриева, Одесса)

This person is currently unavailable. Please call again later

Этот текст будет наверное самым коротким из всех воспоминаний о Лёне Войцехове. Для меня Лёня – закрытая система. Наверное, это только для меня – для других не так. Но у меня все разговоры с ним сводились к его монологу и я все долгие годы считала его неким субъектом в себе, мультяшным компьютером на манер тех, что в фильмах Мишеля Гондри, со множеством разноцветных проводов внутри и бормочущий сам себе и всем остальным свои истории. Вот, например, помню, как в детстве мой брат зависал у него и рисовал именно такие, разноцветные и хаотичные, притом невероятно бодрые миры. Что характерно – Лёне можно было ничего не отвечать, потому что он ничего никогда не слышал. Получается, что мир постоянно ловил его выкрики и движения. Заботился ли об этом Лёня? Получается, что да. Иногда – нет. У него получалось быть весьма спонтанным, многое происходило совершенно незапланированно и довольно весело… Например, акции Лёни продолжились,

как и ожидалось, за пределами земной жизни. На вечере его памяти в МСИО у его друга Юрия Лейдермана случился смешной перформанс с самого утра – не прекращающаяся икота, – судя по всему, зацикленные сами на себе воспоминания Лёни о Юре, если верить народным приметам. Всё, что у меня есть о Лёне, – это нечто субъективное и сентиментальное. Когда мне исполнилось шестнадцать лет (дико давно), самый очаровательный подарок был – от Лёни Войцехова! Это была крохотная батистовая кофточка для ребёнка шести лет, с прелестными пуговками-цветочками и вышитая алыми петушками. Даже здесь улыбнулся мне его внутренний концептуалист. Ведь этим подарком он как бы призвал во мне 6-летнюю Алису, которая, по всей видимости, казалось ему более убедительной. Здесь нелишне упомянуть, что Лёня никогда не воспринимал меня как сексуальный объект и относился ко мне всегда как к родственнику. Даже его подарки – практически одинаковые рисунки карандашом, скетчи, созданные в разные промежутки времени, где девушка рассматривает огромный мужской член, не содержали в себе игривости или каких-либо намёков. Почему? – спросите вы. Потому что Лёня дарил их мне с рассеянным видом и как-то искренне, от души. Ну и к тому же, думаю, он понимал, что жизнь, секс, смерть и прочие штуки – не более, чем арт-объекты в небесной канцелярской папке.

Гарри Краевец (психотерапевт, Одесса)

В подражание Леониду Войцехову, написано сразу после скорбных новостей

Эпоха не уходит в точное время, она перетекает из одной плоскости в другую, из старой данности в новую. Вы можете искать точки пересечения, если вам это нужно. Мне же всегда было важно найти границу, стать между. Там всегда можно быть невидимым, уйти в небытие, а значит в вечность. Каждый день теряю время, на носу 24 проекта, завязано

больше 35 людей, и это если не считать их семей. Год совершенно неудачный, 8-ка на конце. В голове уже все давно пересеклось, писать на бумаге нет времени, люди начинают давать заднюю. Еще и угораздило мне попасть в эту столовую, тут одна свинина, а я Нахманец, мне нельзя, еще не дай Б-г какая-то Литовская морда увидит. Лёнчик умер, а я живой как никогда, потому что тут жарко в этой Затоке, и меня что-то все время муляет, я уже забыл что. Мерзкая столовая, еда, кстати, вкусная, я бы тут убрал все эти столы, отличное место под проект, перевез бы музей суда в этот ангар, а стулья бы и раздаточную часть в музее поставил, и всё бы стало на свое место. Эти пидарасы ничего не понимают, тут девочки с «вот такими губами», тут по-другому действовать надо, заходить с другой стороны. Интересно, как его похоронят? Как они меня достали этими всеми рассказами про это современное искусство, эти Малевичи, я уже не знаю, куда от них деться. Ещё перед смертью сходить на такую ужасную выставку. Отбивную с сыром и макароны, полить подливкой. Как меня занесло в эту столовую, помню, как мы с моим другом были в Каменец-Подольской крепости, там ещё через ручеёк на горе большой крест стоит. Говорят, что именно в этом месте Кармелюк был убит из засады шляхтичем Рутковским; по преданию – не пулей, а серебряной пуговицей. Мы такого не подымали, человек Тицианом торговал, а я тут в этой столовой. В момент размышлений ко мне подходит маленькая девочка, и тут я вспоминаю про свою клиентку, ведь я на съезде психологов, клиентка все время говорит про папу, мол он злой, осуждающий, только кричал и ругался. А он талантливый, юмористичный, понимающий, да еще и с красивыми глазами. А причем здесь Каменец-Подольск. Вспомнил, так вот тот друг, с которым мы были в Каменец-Подольской крепости, кстати, первого эшелона человек, всё время меня ругал, что мы там в херовой гостинице остановились, а приехали по серьёзному делу. Мол серьёзному делу – серьёзная гостиница. А я тут в этой столовой, как-то не к лицу. Вот ревностно как-то к нему относились все, бежать по вертикали сложно. Умер от сердца, не выдержало, третей ДАДЕ не бывать, последний проект.

Затока 08.08.2018

Леонид Войцехов

Круговая порука

Гуцул, нафаршированный поляком,
А может, чех, приправленный словаком,
Филе ныряльщиков в собственном соку,
Бланшированные водолазы
С добавлением масла,
А может, что-то горящее
Только для того, чтоб не погасло,
Пирожки с повидлом
Совсем без повидла,
Кто-то глядящий туда,
Где ни зги не видно,
Подслушивающий карачаевца каракалпак,
(Тот, кто выпить и отлить не дурак),
Принюхивающийся к сефарду ашкеназ,
(Тот, что попал не в бровь, а в глаз),

Детерриторизация боевого гопака,
Казак, сам себе намявший бока,
Подброшенный на паперть храм кумир,
Тошнота спасет мир.

20.08.2009

***

Индустрия рос
Фабрика пота
Завод капели
Вот так сидели и
Над слезой корпели
Вот так стояли
Покуда моросить не перестали
Опять в тумане
Себя поймали
Ошесть в метели
Собой вертели
Осемь в пару
Вениками били по нутру
Овосемь в растрах дождя
Нас печатает осень
Одевять в рисках пурги
Дискретно стекает ходьба из ноги
Снег прошлогодний покрывает молчание
Одесять ни капли не жаль окончания.

22.08.2009

~~Теперь не давит~~

На смерть Саши Гнилицкого

То шлем давил, то потолок, то небосвод
То воды с неба шли, то брёл огонь с земли
Теперь всё чисто
И пыль не оседает на глаза

Теперь что муравей что стрекоза
Уж всё едино: кто приготовился кто нет

К зиме без края к холоду без пауз

Тебя живым я вижу –
Вот надвигаешь на глаза глаза
Как козырёк
Теперь, наверное, ты можешь видеть поперёк

Вот глаза протёр ты на груди
Сердце зрит:
Теперь всё позади

Вот глаза слезою вытекают с глаз
Теперь совать не надо на показ

Вот глаза упёрлись в землю
Ты на них стоишь
Да, Саша, что-то мрачно ты темнишь

Вот весь в глазах ты
Как Цербер – не пускает он тебя -
Теперь оставишь всё, что таскал с собою, любя

Вот сеешь ты глаза –
Широкий взмах мазка –
И отступает скука, меланхолия, тоска

Ты нам оставил тут
Посевы глаз
Пока размеры поля
Не охватывает глаз

Как говорят в Одессе:
«Ты рассказал»
Теперь по прессе
Насобирают хлам

А что на самом деле
Внутри там было
Зачем им знать?
– Не из одних простынь ведь
Состоит кровать

Картины тоже ведь
Не из красок и холста:

Как ни банально не звучит:
Когда напишешь. То
После них душа пуста

И ты, похоже, вынул всё,
Что смог успеть
Какая разница теперь,
Что это – от силы треть

Но даже этого
Хватило бы на трёх
И не коснётся этого
Ни тлен, ни забытьё, ни мох

Тот кто глазами слышал
Лежит недвижим
Молчит немолвьем
То, что пелось новью

17.11.2009

Бытие-художником. Воспоминания о Леониде Войцехове (часть 1)